

актеры

(Окончание. Начало на 5 стр.).

4. Мы сидим в кабинете главного режиссера, художника и необжито — чувствуется, что хозяин здесь бывает не часто. Мы — это гости: корреспондент Комсомольской правды, секретарь обкома комсомола и я; и ховва: Владимир Кузенков, Олег Ванасев, Леонид Монастырский, Дорнун Дрилюк и главный художник театра выпускница Ал-Атинского художественно-театрального училища Людмила Чалрова. Говорим мы, конечно, театре. Вернее, о путях, которые имели каждого к нему, и не к кому-то абстрактному театру, а вполне конкретному, павлодарскому имени Чехова, каким он гь сегодня.

Мы собрались в этой комнате после спектакля, который настроил я в предельную откровенность, который не позволяет сфальсифицировать ни словом, ни интонацией.

Это спектакль-концерт по Маяковскому «Я к вам приду».

«Люблю», «Непавижув», «Владимир Ильич Ленин»... Три части спектакля. И когда после последней выходишь в фойе, потрясенный большой поэзией большого поэта, тебя встречает пристальный и серьезный, смотрящий в самую твою суть, взгляд вождя с портрета, который только что был на сцене. И этот взгляд — последнее, что ты уносишь со спектакля.

...Мы собрались в комнате после спектакля «Я к вам приду». И когда Владимир Кузенков негромко и сбавчиво заговорил о Ленине, о Ленине в его, кузенковской, жизни, заговорил, немного смущаясь от того, что говорит о самом сокровенном перед столькими людьми, все мы чувствовали и понимали, что это говорится не всуе, что это — пропущенное через сердце, выстраданное, интимное. И, наконец, самое главное для него.

Он очень молод, главный режис-

сер театра, но он из числа тех людей, к которым рано приходит зрелость. Должно быть, поэтому все в коллективе, и его друзья-ровесники тоже, называют его по имени-отчеству: Владимир Николаевич.

Это он, Кузенков, открыл Монастырскому Монастырского; Леонид, учась в ГИТИСе, был почти бесконечно ясен: одаренный, с отличными данными, он вел полубогемную жизнь баловня судьбы. «Представляете, я даже в смокинге ходил!» И так случилось, что однажды они, Монастырский и Кузенков, студенты разных курсов, едва знакомые друг с другом, проговорили всю ночь напролет. И то, о чем тогда говорил Кузенков, Монастырским, заставило Леонид по-иному взглянуть на себя. Ему во многом пришлось ломать, перенимать себя. И он сумел это сделать.

Я была дома у Монастырского, у Афанасьева. Первое, что бросилось в глаза, — это книги. У каж-

дого от пола до потолка две стены уставлены книгами. Среди них — собрание сочинений Ленина.

Все они — те, о ком я пишу, — коммунисты. Все они отдали себя театру до конца, без остатка. С десяти до двух — репетиции, с трех до шести у Дралюка и Монастырского занятия в двухгодичной театральной студии. Это — на общественных началах. И каждый вечер, за редчайшим исключением, спектакль. Они и актеры, и режиссеры: Афанасьев поставил «Овода», Дралюк сделал розовый спектакль.

Я не пишу здесь о других артистах не потому, что они отдали театру меньше душевных и умственных сил, а просто потому, что размер газетной статьи ограничен и приходится отбирать главное. Та четверка, о которой я, чувствую, было и отрывисто рассказала, — «мозговой центр» театра и его душа, если хотите.

Ермаков, Кузенков и его товарищи создали театр, который я бы назвала театром интимной публицистичности. Определение это не столько парадоксально, сколько диалектично. Оно, мне кажется, лучше всего помогает понять не только о чем говорит театр со зрителем, но и как говорит: о революционности, о высоких идеалах — как о самом святом, самом личном.

Говоря словами одного из умнейших и проникновеннейших наших театральных критиков Иппы Соловьевой, для павлодарского те-

атра «важна связь дел и дней Октября с нашими делами и днями, важен крепчайший революционный корень всех добрых плодов нашего времени».

5. НЕСКОЛЬКО слов в заключение.

Мы часто повторяем — и вполне справедливо, — что любой талант требует бережного к себе отношения. Павлодарский театр — талант коллективный, и отношение к нему должно быть самое чуткое и доброжелательное. С горечью мне приходится напоминать об этом потому, что отношения, сложившиеся между областным управлением культуры и театром, никак нельзя назвать нормальными.

В феврале павлодарцы покажут на сцене Кремлевского театра четыре своих лучших спектакля. Это большая честь, которой удостоивается не каждый коллектив и которая говорит о зрелости театра. Компетентная московская комиссия высоко оценила многие работы павлодарцев. А областное управление культуры заняло какую-то труднообъяснимую, странную — много слов не подберешь — позицию по отношению к своему театру. Я намеренно не касаюсь подробностей конфликта, потому что считаю, что конфликт этот — локального характера, и он должен быть решен «дома», в Павлодаре. Решен раз и навсегда.

И. ИНОВЕЛЛИ.
(Наш спец. корр.).